

УДК 81'42
doi 10.17072/2073-6681-2023-3-25-33

Монологические способы решения внутреннего конфликта персонажа (на материале романов В. В. Набокова «Король, дама, валет», «Камера обскура», «Отчаяние»)

Ван Мэйянь

аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания
Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. 13811952892@163.com

SPIN-код: 6159-5986

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2880-8450>

Наталья Павловна Пинежанинова

к. филол. н., доцент кафедры русского языка как иностранного
и методики его преподавания

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. n.pinezhaninova@spbu.ru

SPIN-код: 5561-9866

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9714-7097>

Статья поступила в редакцию 10.02.2023

Одобрена после рецензирования 07.04.2023

Принята к публикации 21.04.2023

Информация для цитирования

Ван Мэйянь, Пинежанинова Н. П. Монологические способы решения внутреннего конфликта персонажа (на материале романов В. В. Набокова «Король, дама, валет», «Камера обскура», «Отчаяние») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 3. С. 25–33. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-25-33

Аннотация. Понятие *внутренний конфликт* конкретизируется в психологии и литературоведении. Однако проблема внутренней речи персонажа в языковом воплощении остается недостаточно изученной. В рамках лингвистики текста внутренний конфликт рассматривается как субъективный лингвистический фактор текстообразования, выбранный автором для наиболее адекватного отражения противоречий мышления персонажа в описываемой ситуации. Цель статьи заключается в определении речевых способов и языковых средств выражения и разрешения внутреннего конфликта в монологах главных персонажей серии романов В. В. Набокова. В статье проанализированы основные виды монологической речи персонажей: интеральный монолог в романе «Камера обскура», политипный монолог, интегрирующий прямую и несобственно-прямую речь, в романе «Король, дама, валет» и поток сознания в романе «Отчаяние». Выявлена трехкомпонентная синтаксическая структура коммуникативных регистров в реализации внутриличностного конфликта, где в зависимости от типа монолога фиксируются эмоциональная реакция на происходящее, рациональное осмысление существующего положения дел, побуждение переосмыслить или внести изменение в конфликтную ситуацию. Отмечены бинарные оппозиции значений компонентов, составляющих внутренний конфликт. В формировании внутренних противоречий показана роль лингвистических средств, таких как отрицание, противопоставление, сравнение, а также эмоциональных, оценочных и экспрессивных элементов. Особое внимание уделяется способам разрешения конфликта по лингвопрагматическим параметрам: рациональное и эмоциональное, аномальное и стереотипное, реальное и нереальное.

Ключевые слова: внутренний конфликт персонажа; речевые способы решения; политипный монолог; поток сознания; коммуникативные регистры речи.

Внутренний монолог является важнейшим лингвистическим средством раскрытия и интерпретации внутреннего мира персонажа в художественном тексте. Изучение языковых особенностей внутренних монологов, где фиксируются эмоциональные переживания персонажа, его отношение к происходящему и принятие сложных решений, позволяет определить мотивацию поступков персонажа, его ценностные ориентации и способы реализации внутреннего конфликта, когда потребности, желания или чувства персонажа входят в противоречие с его убеждениями, представлениями о себе или общепринятыми ценностями. В художественном тексте внутренний конфликт персонажа воплощается в интеральной монологической рефлексии, прямом и несобственно-прямом монологическом дискурсе, а также в регулировании противоречивых мыслей потоком сознания. Каждая из этих форм интраперсонального общения имеет свои структурные и семантические особенности, которые находят отражение в выполняемых ими функциях.

Интеральный монолог как типичная речевая модель передачи внутреннего конфликта персонажа характеризуется диалогическими репликами. Такое сверхфразовое единство вопросно-ответного комплекса принято называть диалогомой [Стельмашук 1993: 55]. В диалогеме интерального монолога реализуются взаимобратные речевые интенции персонажа, которые кодируют реактивный, генеритивный и волюнтивный коммуникативные регистры [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 32–33].

Монологи персонажа могут включать чужую речь в собственные размышления. В таком случае чужая речь воспринимается как другая оценка происходящего, иное понимание действительности, конфликтующее с собственным мнением. Такую чужую речь М. М. Бахтин понимает как выказывание, которое переносится в речь другого субъекта [Бахтин 1995: 23]. В монологической речи персонаж может анализировать актуальные проблемы и принимать решения по результатам взаимодействия различных речевых инстанций – собственных и лирического героя [Кузько 1980: 33], источником-прототипом которого является нарратор. Соотношение этих двух голосов отражается во временной и пространственной речевых дистанциях [Акимова 2016: 154], которые определяют ситуативный регистр (непосредственная персональная речь) и тематический регистр (дистанцированная нарративная речь) [Жеребков 1985: 68].

Прямая речь персонажа фиксирует и передает его собственный голос без интерференции голоса автора, в то время как несобственно-прямая речь

является скрытой формой вмешательства авторского голоса в персонажную речь. Несобственно-прямая речь считается самой экономной формой реализации нарративного голоса в монологе персонажа. Один и тот же объект одновременно воспринимается и оценивается с субъективной (персонажной) и с объективной (нарративной) стороны, при этом художественный монологический фон становится политипным [Артюшков 2004: 27–28].

Внутренний конфликт персонажа формирует его противоречивое мышление в потоке сознания. Поток сознания, как технический перевод непосредственных мыслей и чувственных образов персонажа на словесный язык [Черевко, Рягузова 2018: 164–165], отличается своей пассивностью и неупорядоченностью [Андреева 2013: 11], непрерывностью и плотностью, нелогичностью и ассоциативностью [Черевко 2018: 297]. В потоке сознания вербализируется психология персонажа и детализируется полная картина его внутреннего мира [Черныш 2000: 47].

Эпизоды субъективного осмысления событий в потоке сознания персонажа характеризуются прерывной синтаксической структурой [Вайтман 2001: 355–356] и обуславливают построение фрагментов потока сознания по принципу нелинейности. Данный принцип определяет использование экспрессивных синтаксических способов создания динамичности, импульсивности и выразительности мыслительного процесса, многоуровневой пространственной структуры смыслов и разноместной контекстуальной имплицитной связи, представленной параллелизмами и антитезами [Оттенс 2012: 96].

Поиски собственного способа изображения потока сознания в художественном тексте отразились в размышлениях В. В. Набокова по этому вопросу. В. В. Набоков указывал на стилистическую условность в передаче мышления персонажа, поскольку человек думает не только словами, но и образами. В потоке сознания, по мнению писателя, перемежаются текущие и устойчивые мысли, закрепившиеся в памяти, однако в письменном воспроизведении мыслей обычно смазан временной элемент. Выразительность и реалистичность в изображении потока сознания писатель связывал с отбором и регистрацией в произведении отдельных мыслей персонажа, представляющих субъективный взгляд с его позиций [Набоков 1998: 390].

В серии романов «Король, дама, валет», «Камера обскура», «Отчаяние» В. В. Набоков переходит от традиционной для эмигрантской литературы ностальгической темы России к европейскому внереалистическому типу романа и метароману, в которых создает новые модели органи-

зации монологической речи, включающей в себя внутренний конфликт персонажей.

В романе В. В. Набокова «Камера обскура» интеральный монолог служит главным способом отражения и решения внутриличностного конфликта главного персонажа Кречмара. Интеральный монолог в автокоммуникации персонажа представляет собой внутренний разговор и используется для обмена репликами, направленными на осмысление объектов рассуждения, отражение противоречивых позиций персонажа и выяснение причины возникновения его внутренней конфликтности или поиск вариантов ее устранения.

В интеральном монологе персонажа представлены ситуации нравственного выбора, когда перед персонажем возникает необходимость предпочесть один из возможных вариантов поведения в соответствии со своими представлениями о желаемом и действительном, о допустимом или недопустимом. Так, уже в начале романа заявлена основная коллизия внутреннего конфликта персонажа – отношение к обывательской семейной жизни и увлеченности любовной иллюзией:

Какое мне дело до этого Горна, до рассуждений Макса, до шоколадного крема... Со мной происходит нечто невероятное. Надо затормозить, надо взять себя в руки [Набоков 2020а: 11].

Равнодушие к происходящему в семье экспрессивно выражено в реактивном регистре параллелизмом риторического вопроса *Какое дело до... до... до...* А мысль о возможном романе актуализируется в генеритивном регистре глаголом несовершенного вида настоящего времени *происходит* и необычностью ситуации *нечто невероятное*. Внутренний конфликт персонажа между безразличным отношением к семейному быту и привлекательной кинематографической иллюзией конструктивно разрешается параллелизмом нормативных высказываний в волюнтивном регистре *Надо затормозить, надо взять себя в руки*.

В другом интеральном монологе персонажа представлены две речевые интенции в размышлении о возможности развода с женой:

Развод? – Нет-нет, это невымыслимо [там же: 144].

В реактивном регистре Кречмар задает себе вопрос, предполагающий возможность развода с женой, но затем повторный отрицательный ответ *нет-нет* в волюнтивном регистре категорически отклоняет предположение о разводе. Генеритивный регистр высказывания *это невымыслимо* в качестве переосмысления первоначального намерения рациональным рассуждением служит подтверждением решения. Внутренний конфликт по поводу развода разрешается персонажем без сомнений и конструктивно.

В следующем интеральном монологе персонажа конфликтуют речевые позиции по отношению к обнаружению его измены братом жены:

Выследил, – Ну и пускай. Он мужчина, он должен понять [там же: 56].

Одна позиция представляет существующее положение дел и обобщена в генеритивном регистре глаголом *выследил*, в котором измена оценена негативно как вид преступления. Другую позицию отражает реактивный регистр *должен понять*, оправдывающий собственную измену. Волюнтивный регистр с побудительной частицей *пускай*, которая обозначает допущение и согласие, служит эмоциональным решением персонажа освободить себя от этических переживаний за репутацию. Внутренний конфликт, возникший из-за риска обнаружения измены, разрешен destructively пассивным допущением персонажа.

В дальнейшем повествовании персонаж, оставшийся слепым после автомобильной катастрофы, пытается в интеральном монологе прояснить причину внутреннего беспокойства в отношении к обеим женщинам:

В чём же дело? Аннелиза? Нет, она далеко. Она на самой глубине его слепоты, милая, бледная, грустная тень, которую нельзя тревожить. Магдины запреты? И это не то. Ведь это временно. Ему действительно вредно. Да и следует научиться чисто и духовно относиться к Магде. Ей тоже, бедненькой, вероятно, нелегко отказывать... В чём же дело? [там же: 199–200].

Данный фрагмент интерального монолога начинается и заканчивается одним и тем же вопросом: *В чём же дело?* – что образует замкнутую композиционную рамку автокоммуникации персонажа. Первый внутренний голос персонажа в качестве ответа на собственный вопрос указывает, что причина в жене Аннелизе, а второй ответный голос полагает, что дело в Магде. Но отрицания *нет, и это не то* исключают оба предположения. Основание отклонения собственных выводов представлено в генеритивных и реактивных регистрах. Рациональное заключение о жене – *Нет, она далеко* – сменяется эмоциональными эпитетами *милая, бледная, грустная тень*. За рациональным суждением об отношении к Магде – *Ему действительно вредно. Да и следует научиться чисто и духовно относиться к Магде* – тоже следует эмоциональное выражение сочувствия и желания ее понимать – *Ей тоже, бедненькой, вероятно, нелегко отказывать...* Вопрос, начинающий и замыкающий интеральную речь, выделен повтором в волюнтивном регистре, что стимулирует дальнейший поиск ответа на него, свидетельствуя о неразрешенности внутреннего конфликта персонажа и усилении его душевной тревоги.

В интервальном монологе внутренняя борьба Кречмара между семейной жизнью и любовной иллюзией, женой и любовницей, разводом и изменой, физической и духовной слепотой регулируется чередованием рационального осмысления и эмоциональной реакцией. Принимаемые персонажем решения внутреннего конфликта влияют на переупорядочение его жизненных ценностей.

В отличие от интервальной монологической рефлексии персонажа, в несобственно-прямой речи нарратор со стороны рассматривает, анализирует и оценивает прямую речь персонажа, способствуя переосмыслению и формированию нового вывода. В романе В. В. Набокова «Король, дама, валет», символика названия которого подчеркивает его игровую направленность, показаны немецкие буржуа в виде карточных фигур как неодушевленные существа, лишь внешне уподобленные людям: коммерсант Драйер (король), его жена Марта (дама) и провинциальный родственник Драйера Франц (валет). Прямой и несобственно-прямой монологический дискурс порождает внутренний конфликт персонажей, основанный на расхождении во мнениях персонажей и всезнающего нарратора.

Мнения Франца и нарратора расходятся в прямой и несобственно-прямой речи: *Нельзя предъявлять случаю слишком сложных требований*, – где в генеритивном регистре безличное предложение транслирует жизненный принцип и демонстрирует негативное отношение нарратора к злонамеренности Франца. *Именно так, пожалуйста, именно так, – чтобы мозги брызнули... Зажили бы тогда на славу*, – в волюнтивном регистре повтор указательного модального слова *именно*, выражение просьбы *пожалуйста*, придаточный союз *чтобы* и сослагательное наклонение со значением ирреального желания выражают собственную интенцию Франца навсегда избавиться от своего дяди Драйера. Затем в реактивном регистре Франц дает оценочное определение *первоклассное счастье* воображаемой будущей жизни с Мартой без Драйера. *А вернее всего, он жену переживет...* [Набоков 2018: 131]. Далее в информативном регистре нарратор излагает сентенцию, намекая на неразумность замысла Франца. Интегрирование субъективных желаний персонажа в прямую речь, а объективных рассуждений в несобственно-прямую речь актуализирует различия между желанием персонажа и реальными ограничениями. Несобственно-прямая речь корректирует мышление Франца, направляя его решение в более конструктивное русло.

В несобственно-прямой речи раскрываются жизненные обстоятельства Марты и дается подробная аргументация отсутствия возможности

осуществления ее желания: *А что-нибудь нужно было сделать*, – где в волюнтивном регистре Марта побуждает себя к внесению изменений в собственную жизнь. Совершенный вид глагола *сделать* и модальность необходимости демонстрирует решительность персонажа в принятии решения. *Но оказывалось, что человеческую жизнь, как пожар, тушить опасно и трудно* – в генеритивном регистре представлено нарративное осмысление человеческой жизни, исходящее из всеобщего опыта. Несовершенный вид глаголов *оказывалось, тушить* показывает универсальность излагаемого жизненного закона. Безличная форма сказуемого в главном предложении свидетельствует об отвлеченности нарративной речи. *Вот-вот займется вся комната, запылает постель, – и уже лестница полна дыма, ступени исчезают* – репродуктивный регистр восстанавливает воображаемый персонажем сценарий пожара на основе реально видимой комнаты и осязаемой опасности. Неодушевленные существительные-подлежащие создают иллюзию нарративного описания. *Не выбрать...* [там же: 184] – здесь в реактивном регистре представлен отрицательный эмоциональный вывод Марты после рассмотрения изложенных обстоятельств, выраженный несобственно-прямой речью. Употребление персонажем безличного возвратного глагола совершенного вида для выражения безысходности демонстрирует ее вынужденное принятие ситуации и деструктивный исход внутреннего противоборства.

В несобственно-прямой речи представлена конфликтующая с персональным решением позиция нарратора, объясняющая причины изменения отношения Драйера к воспоминанию о жене, которое передано прямой речью и является монологическим подтекстом: *Не нужно думать об этом, нужно на время ничего не видеть, ничего не слышать*. В волюнтивном регистре Драйер уговаривает себя прекратить думать о смерти жены и перестать реагировать на окружающее. Параллелизм отрицательных конструкций, усиленный повтором отрицательного местоимения *ничего*, выражает напряженность внутренней борьбы персонажа и его речевую экстремальность. *Но что поделаешь, когда недавняя жизнь человека еще отражена на всяких предметах, на всяких лицах, и невозможно смотреть на Франца без того, чтобы не вспомнить солнечного пляжа и Франца с него, с живою, играющей в мяч*, – в информативном регистре нарратором излагается тот факт, что Драйер не может не вспоминать о покойной жене, поскольку окружающие предметы служат напоминанием о ней. Начальная обобщенно-личная конструкция *Но что поделаешь* означает эмотивно-оценочную

реакцию на неизбежность, объективную обусловленность выражаемого далее наблюдения. Это наблюдение мотивирует следующую за речью нарратора прямую речь персонажа: *Мяч*, – сказал Драйер, не оборачиваясь. – *Мяч...* [Набоков 2018: 248]. В реактивных регистрах собственной прямой речи Драйер спонтанно называет повторяющимся словом предмет, ассоциативно связанный с воспоминаниями о жене, подтверждая, таким образом, невозможность контроля над мыслями и эмоциями после трагедии, что становится непродуктивным и деструктивным вариантом решения его внутреннего конфликта.

Внутренний конфликт персонажей интерпретируется в субъективно-непосредственных и объективно-отстраненных речевых позициях в прямом и несобственно-прямом монологическом дискурсе и решается согласованием или рассогласованием во взаимодействии этих внутренних позиций.

Если структура организации внутреннего конфликта персонажа в прямой, интеральной и несобственно-прямой речи дифференцируется, как было отмечено выше, по функциональным характеристикам коммуникативных регистров, то в потоке сознания внутренняя конфликтность персонажа воплощается в иной художественной структуре монологической речи. Поток сознания передает в тексте такие состояния сознания персонажа, как воспоминания, размышления, мечты, фантазии, что, в свою очередь, предполагает использование речевых способов выражения эмоциональности и алогичности, а также конфликт бинарных оппозиций и стремление их нейтрализовать.

В метаромане В. В. Набокова «Отчаяние» главный персонаж коммерсант Герман является одновременно и автором-повествователем собственной повести, в которой применяет поток сознания как писательский прием. В потоке сознания Герман, возмнивший себя художественным гением, рефлексировал по поводу своего текста, роли писателя и собственного преступления – убийства мнимого двойника.

В обращенном к читателям размышлении персонажа о собственном писательском творчестве выявляется несоответствие эффекта совершаемого действия его первоначальной цели:

Да, пустяк, шалость пера, но как вы удивитесь сейчас, когда скажу, что пошлятину эту я писал в муках, с ужасом и скрежетом зубовым, яростно облекая себя и вместе с тем сознавая, что никакое это не облегчение, а изысканное самоистязание и что этим путем я ни от чего не освобожусь, а только пуще себя расстрою [Набоков 2020б: 112].

Осмысление персонажем творческого процесса дифференцируется формами глаголов прошедшего и будущего времени: *писал*, *...облекая себя... сознавая...*; *не освобожусь, себя расстрою*. В этом эпизоде представление о времени передано не только формами глагола, но и окказиональными способами. Так, настоящее время *сейчас* соединяется с будущим *удивитесь*, обозначая момент речи, а будущее время представлено имплицитно в несоответствии проективных, еще не существующих, оценок романа *пустяк, шалость пера, пошлятина* и связанных с творчеством эмоциональных затрат: *писал в муках, с ужасом и скрежетом зубовым, яростно облекая себя*. В противопоставлении *не облегчение, а изысканное самоистязание* оксюморон *изысканное самоистязание* (*изысканное* – утонченное, изящное) является метафорической антитезой, в которой переосмысляются оба члена словосочетания, и с психологической точки зрения представляет собой образный способ разрешения логически не объяснимой ситуации. Контрадикторность смыслов в сознании персонажа поддержана экспрессией синтаксических параллелизмов в контрастной дизъюнкции: *и вместе с тем..., что никакое это не..., а... и... ни от чего не..., а только...* В потоке сознания внутренний конфликт персонажа, оценивающего психологические противоречия творческого процесса, находит парадоксальное самооправдание для дальнейшего усиления душевного напряжения.

В эпизоде потока сознания персонажа, размышляющего о собственной безопасности после совершенного убийства, противопоставлены объективные суждения о реальных фактах и его субъективные убеждения:

Для меня, в смысле моей безопасности, важно следующее: убитый не опознан и не может быть опознан. Меж тем я живу под его именем, кое-где следы этого имени уже оставил, так что найти меня можно было бы в два счета, если бы выяснилось, кого я, как говорится, угробил. Но выяснить это нельзя, что весьма для меня выгодно, так как я слишком устал, чтобы принимать новые меры. Да и как я могу отрешиться от имени, которое с таким искусством присвоил? Ведь я же похож на мое имя, господи, и оно подходит мне так же, как подходило ему. Нужно быть дураком, чтобы этого не понимать [там же: 196].

В размышлении персонажа объективные факты изложены ретроспективно предикатами прошедшего времени *следы оставил, кого угробил, устал, присвоил, подходило ему*, а также сослагательным наклонением *найти меня можно было бы* и условной конструкцией *если бы выяснилось*, которые подчеркивают нереальное или возмож-

ное действие. При этом субъективные убеждения персонажа выражены в настоящем времени и представлены как общефактические: *убитый не опознан и не может быть опознан; выяснить это нельзя; похож на мое имя; оно подходит мне*. Речевая тактика самоубеждения реализуется в сознании персонажа при помощи аргументации, представляющей собой психологические механизмы защиты, выраженные отрицанием *не может быть; нельзя*, рационализацией *я слишком устал, чтобы принимать новые меры, завышением самооценки Да и как я могу отрешиться от имени, которое с таким искусством присвоил?* и необоснованным утверждением *Ведь я же похож на мое имя, господи, и оно подходит мне так же, как подходило ему*.

Экспрессивные средства аргументации, такие как наречие *слишком*, местоимение в значении усиления степени качества с *таким искусством*; усилительные частицы *да, же* и риторический вопрос, служащий для эмоционального утверждения, реализуют коммуникативную установку убеждения и способствуют вытеснению в сознании персонажа общепринятого мнения субъективным, неоспоримым которого аргументируется обобщенной сентенцией – *Нужно быть дураком, чтобы этого не понимать*. Предельная самоуверенность и утверждение собственного превосходства свидетельствуют о деструктивном выходе персонажа из внутреннего противоречия.

В потоке сознания персонажа конфликтуют его представления о собственном поведении в ситуации возможного разоблачения:

Мне бы скрываться, а я лезу на самое, так сказать, видное место, трудно было лучше выбрать. Но я устал; чем скорее все это кончится, тем лучше [Набоков 2020б: 212].

Противопоставление в сознании персонажа гипотетической необходимости *скрываться* и характеристики собственного поведения, представленного образным самоощущением *лезу на самое ... видное место*, получает в сложившейся ситуации ироническую оценку *трудно было лучше выбрать*. Признание *я устал* показывает неспособность к дальнейшей борьбе, и следствием этого психологического состояния становится обобщенный вывод, выражающий эмоциональное желание: *чем скорее все это кончится, тем лучше*. Повтор наречия *лучше* в ироническом контексте, где меняет свое значение на антонимичное, и в выводе из размышлений, где представлено иррациональное желание, свидетельствует о деструктивном разрешении внутреннего конфликта.

В потоке сознания персонажа осуществляется двойственная идентификация личности:

Французы! Это всего лишь репетиция. Держите полицейских. Сейчас из этого дома к

вам выбежит знаменитый фильм-актер. Он ужасный преступник, но ему положено улизнуть. Просьба не давать жандармам схватить его. Все это предусмотрено сценарием [там же: 219].

Двойственность личности персонажа воплощается в антитезах его образов (*актер – преступник*), полярных оценочных описаний (*знаменитый – ужасный*), модальных оттенков обращения от побудительности до просьбы (*держите полицейских – просьба не давать жандармам схватить его*) и релятивной значимости объекта (*всего лишь – все это*). В рефлексии о своей роли и деятельности персонаж включает психологическую защиту с помощью фантазии, в которой трансформирует социально неприемлемое и несоизмеримое в нормативное и предусмотренное: *всего лишь репетиция, положено улизнуть, предусмотрено сценарием*. Таким образом, внутренняя двойственность персонажа регулируется его аномальной идентификацией личности.

В потоке сознания внутренний конфликт Германа формируют его идентификационные оппозиции, включающие эмпирические аспекты самопознания: *априорный / апостериорный, индивидуальный / социальный, аномальный / нормативный*. Внутренние представления о себе и собственной идентичности, не подтверждаемые реальностью, окружением, вызывают внутреннее рассогласование. Конфликт персонажа разрешается иррационально сознательным выбором собственных аномальных убеждений вместо общепринятых социально-нормативных положений.

Результаты проведенного анализа монологических способов решения внутреннего конфликта персонажей в серии романов В. В. Набокова позволяют сделать следующие выводы.

1. В романе «Камера обскура» внутренний конфликт Кречмара изображен в интервальном монологе как противоборство желаемого и должного, эмоционального и рационального. В романе «Король, дама, валет» внутренний конфликт персонажей представлен в политипном монологе как расхождение между мнениями персонажа и нарратора, которые представлены как субъективное и объективное выражение представлений о мире. В романе «Отчаяние» внутренний конфликт Германа выражен в потоке сознания как несоответствие аномального стереотипному, реального – нереальному.

2. В интервальном монологе решение внутреннего конфликта персонажа достигается регулированием эмоциональных и рациональных речевых интенций его внутреннего диалога в трехкомпонентной синтаксической структуре коммуникативных регистров: в реактивном регистре фиксируется эмоциональная реакция на проис-

ходящее; в генеритивном регистре представлено осмысление ситуации в соотношении ее с существующими нормами; волюнтивный регистр определяет решение персонажа.

3. В политипном монологе внутренний конфликт персонажа представлен интегрированием субъективных желаний и потребностей персонажа в прямую речь, а объективных рассуждений – в несобственно-прямую речь, что проявляет различия между желанием персонажа и реальными ограничениями. Разрешение внутреннего конфликта персонажа регулируется согласованием или рассогласованием субъективно-персонажной и объективно-нарративной речевых позиций. Соответственно, персонаж реагирует на несобственно-прямую речь регулятивами и контрмерами в реактивном регистре или побуждает себя к переосмыслению и изменению решения в волюнтивном регистре.

4. В потоке сознания внутренняя конфликтность персонажа характеризуется оценочной поляризацией релятивной значимости антитез, нарастанием или убыванием модальных оттенков речи. Конфликт персонажа разрешается речевой тактикой самоубеждения, иррационально смещающей идентификационные критерии и меняющей восприятие действительности в сознании персонажа.

Таким образом, в серии романов В. В. Набокова «Король, дама, валет», «Камера обскура», «Отчаяние» прослеживаются внутренние конфликты персонажей, эксплицирующие диссонанс мышления в текстовой реализации. Речевые способы и языковые средства выражения в решении конфликта проявляют ценностные предпочтения, самооценку и самоидентификацию персонажа, определяя психологическую структуру его характера.

Список литературы

Акимова Н. В. Роль внутреннего монолога и несобственно-прямой речи в создании образов героев в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1. С. 104–109.

Андреева О. Л. Лексико-грамматические особенности внутреннего монолога на материале романа Т. Хюрлимана «Фройляйн Штарк»: дипломная работа / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2013. 58 с.

Артюшков И. В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе: на материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 46 с.

Бахтин М. М. Человек в мире слова. М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. 139 с.

Вайтман С. Г. Метаморфозы художественной мысли XX века // Континент. 2001. № 2. С. 354–356.

Жеребков В. А. Коммуникативная модель как комплексный метазнак // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 63–69.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2004. 544 с.

Кусько Е. Я. Проблемы языка современной художественной литературы. Львов: Изд-во при Львов. ун-те, 1980. 207 с.

Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ. под ред. В. А. Харитоновой; предисл. к русскому изданию А. Г. Битова. М.: Независимая Газета, 1998. 507 с.

Набоков В. В. Король, дама, валет: роман. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018. 250 с.

Набоков В. В. Камера обскура. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020а. 220 с.

Набоков В. В. Отчаяние. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020б. С. 21–219.

Оттенс Г. В. «Поток сознания» как повествовательная техника художественного модернистского произведения // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2. С. 92–99.

Стельмашук А. Диалогизация и способы ее реализации в различных речевых сферах современного русского языка (художественная и научная проза): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 276 с.

Черевко Г. В. Функция внутренней речи в рассказе В. В. Набокова «Совершенство» // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 296–301.

Черевко Г. В., Рягузова Л. Н. Прием «потока сознания» Л. Н. Толстого в теоретической и художественной рефлексии В. Набокова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 4. С. 163–168.

References

Akimova N. V. Rol' vnutrennego monologa i nesobstvenno-pryamoy rechi v sozdanii obrazov geroev v romane F. M. Dostoevskogo 'Idiot' [The role of internal monologue and free direct speech in creating images of heroes in F. M. Dostoevsky's novel 'The Idiot']. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific Notes of Orel

State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2016, issue 1, pp. 104–109. (In Russ.)

Andreeva O. L. *Leksiko-grammaticheskie osobennosti vnutrennego monologa na materiale romana T. Khyurlimana 'Froylyayn Shtark'* [Lexicogrammatical features of an internal monologue based on the material of T. Hürlimann's novel 'Fraülein Stark']: a graduation thesis. Krasnodar, Kuban State University Press, 2013. 58 p. (In Russ.)

Artyushkov I. V. *Vnutrennyaya rech' i ee izobrazhenie v khudozhestvennoy literature: na materiale romanov F. M. Dostoevskogo i L. N. Tolstogo*. Avtoreferat diss. d-ra filol. nauk [Inner speech and its representation in fiction: Based on the material of the novels of F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2004. 46 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Chelovek v mire slova* [Man in the World of Word]. Moscow, Russian Open University Publ., 1995. 139 p. (In Russ.)

Vaytman S. G. *Metamorfozy khudozhestvennoy mysli XX veka* [Metamorphoses of artistic thought of the 20th century]. *Kontinent* [Continent], 2001, issue 2, pp. 354–356. (In Russ.)

Zherebkov V. A. *Kommunikativnaya model' kak kompleksnyy metaznak* [The communicative model as a complex metasign]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1985, issue 6, pp. 63–69. (In Russ.)

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian language]. Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Philological Faculty. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 2004. 544 p. (In Russ.)

Kus'ko E. Ya. *Problemy yazyka sovremennoy khudozhestvennoy literatury* [Issues of the Language of Modern Fiction]. Lviv, University of Lviv Press, 1980. 207 p. (In Russ.)

Nabokov V. V. *Leksii po zarubezhnoy literature* [Lectures on Foreign Literature]. Transl. from Eng.,

ed. by V. A. Kharitonov; preface to the Russian edition by A. G. Bitov. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publ., 1998. 507 p. (In Russ.)

Nabokov V. V. *Korol', dama, valet* [King, Queen, Knaves]: a novel. St. Petersburg, Azbuka: Azbuka-Atticus Publ., 2018. 250 p. (In Russ.)

Nabokov V. V. *Kamera obskura* [Camera Obscura]. St. Petersburg, Azbuka: Azbuka-Atticus Publ., 2020a. 220 p. (In Russ.)

Nabokov V. V. *Otchayanie* ['Despair']. St. Petersburg, Azbuka: Azbuka-Atticus Publ., 2020b. pp. 21–219. (In Russ.)

Ottens G. V. *'Potok soznaniya' kak povestvovatel'naya tekhnika khudozhestvennogo modernist-skogo proizvedeniya* ['Stream of consciousness' as a narrative technique of an artistic modernist work]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 2012, issue 2, pp. 92–99. (In Russ.)

Stel'mashuk A. *Dialogizatsiya i sposoby ee realizatsii v razlichnykh rechevykh sferakh sovremen-nogo russkogo yazyka (khudozhestvennaya i nauch-naya proza)*. Diss. d-ra filol. nauk [Dialogization and ways of its implementation in various speech spheres of the modern Russian language (fiction and scientific prose). Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 1993. 276 p. (In Russ.)

Cherevko G. V. *Funktsiya vnutrenney rechi v rasskaze V. V. Nabokova 'Sovershenstvo'* [The function of inner speech in V. V. Nabokov's story 'Perfection']. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Researches], 2018, issue 4, pp. 296–301. (In Russ.)

Cherevko G. V. *Ryaguzova L. N. Priem 'potoka soznaniya' L. N. Tolstogo v teoreticheskoy i khudozhestvennoy refleksii V. Nabokova* [The stream-of-consciousness method of L. N. Tolstoy in a theoretical and art reflection of V. Nabokov]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and the Arts], 2018, issue 4, pp. 163–168. (In Russ.)

Monological Speech Methods of Solving the Internal Conflict of a Character (Based on the Material of V. V. Nabokov's Novels 'King, Queen, Knave', 'Camera Obscura', 'Despair')

Wang Meiyuan

Postgraduate Student at the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching

Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. 13811952892@163.com

SPIN-code: 6159-5986

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2880-8450>

Natalia P. Pinezhaninova

Associate Professor in the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching

Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. n.pinezhaninova@spbu.ru

SPIN-code: 5561-9866

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9714-7097>

Submitted 10 Feb 2023

Revised 07 Apr 2023

Accepted 21 Apr. 2023

For citation

Wang Meiyuan, Pinezhaninova N. P. Monologicheskie sposoby resheniya vnutrennego konflikta personazha (na materiale romanov V. V. Nabokova «Korol', dama, valet», «Kamera obskura», «Otchayanie») [Monological Speech Methods of Solving the Internal Conflict of a Character (Based on the Material of V. V. Nabokov's Novels 'King, Queen, Knave', 'Camera Obscura', 'Despair')]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 3, pp. 25–33. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-25-33 (In Russ.)

Abstract. The concept of *internal conflict* is concretized in psychology and literary criticism. However, the problem of linguistic embodiment of a character's inner speech remains insufficiently studied. Within the framework of text linguistics, internal conflict is considered as a subjective linguistic factor of text formation, chosen by the author to most adequately reflect the contradictions of the character's thinking in the described situation. The article aims to determine the speech methods and linguistic means of expressing and resolving the internal conflict in the monologues of the main characters in the series of novels by V. V. Nabokov. The article analyzes the main types of monologic speech of the characters: the internal monologue in the novel *Camera Obscura*, the polytypic monologue in the novel *King, Queen, Knave*, integrating direct and free direct speech, and the stream of consciousness in the novel *Despair*. We revealed a three-component syntactic structure of communicative registers in the implementation of an intrapersonal conflict, where, depending on the type of monologue, there is noted an emotional reaction to what is happening, or sensible comprehension of the existing state of affairs, or an impulse to reconsider or change the conflict situation. The paper notes binary oppositions of properties inherent in an internal conflict, shows the role played in the formation of internal contradictions by linguistic factors such as negation, opposition, comparison as well as emotional, evaluative, and expressive elements. Particular attention is paid in the article to ways of resolving the conflict in terms of linguo-pragmatic parameters: rational and emotional, abnormal and stereotypical, real and unreal.

Key words: internal conflict of the character; speech solutions; internal monologue; polytypic monologue; stream of consciousness, communicative registers of speech.